

0-791904

На правах рукописи

Смирнова Екатерина Андреевна

**«Проста мова» как лингвистический феномен
(реконструкция глагольной системы на материале
Евангелия Тяпинского)**

Специальность 10.02.01 — русский язык

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Москва 2011

Работа выполнена на кафедре общего языкознания филологического факультета федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский педагогический государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор
Камчатнов Александр Михайлович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Запольская Наталья Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент
Остапчук Оксана Александровна

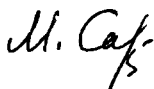
Ведущая организация: Вологодский государственный педагогический университет

Защита диссертации состоится 19 декабря 2011 года в 14 часов на заседании диссертационного совета Д 212.154.07 при Московском педагогическом государственном университете по адресу: 119991, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1, 305 ауд.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале библиотеки Московского педагогического государственного университета по адресу: 119991, Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

Автореферат разослан «15» ноября 2011 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Сарапас М.В.

В отечественной и зарубежной лингвистике к настоящему времени сложилось достаточно много мнений, касающихся функционирования «простой мовы», ее происхождения и именования. Изучение и описание этого языка началось еще в конце XIX века такими исследователями, как П. И. Житецкий, М. В. Довнар-Запольский, Е. Ф. Карский, А. А. Назаревский и др. В XX веке этой проблематикой занимались В. Н. Перетц, И. Огиенко, П. П. Плющ, Л. Л. Гумецкая. В настоящее время изучением «простой мовы» занимаются Б. А. Успенский, В. Мякишев, М. Мозер, А. Даниленко, А. Рабус, С. Ю. Темчин.

«Проста», или «руська мова», — письменный язык Великого княжества Литовского XVI–XVII вв., на котором создавались памятники деловой актов ой письменности, а позже и конфессиональной литературы. Территория Великого княжества Литовского этого периода состояла из собственно Литвы (включая Жемайтию, считавшуюся в то время отдельной землей), а также из областей Смоленской, Витебской, Минской, Гродненской, Могилевской, Черниговской, Киевской, Волынской, Подольской и той части Галиции, которая хотя в гражданском отношении находилась под властью Польши, но в церковном принадлежала к Литовской митрополии. Русский народ диалектологически принадлежал здесь к трем ветвям, которые в современной номенклатуре обозначаются как белорусская, украинская и русская.

Объектом исследования в данной работе являются все глагольные формы, представленные в «простомовной» части изданного на двух языках (на «простой мове» и по-церковнославянски) Евангелия Тяпинского 1580 г. (ЕТ)¹, — в морфологии «простомовных» памятников эти формы

¹ *Evanhelije in der Übersetzung des Vasil Tjapinski um 1580. Facsimile und kommentare.* Padeborn, München, Wien, Zürich. 2005.

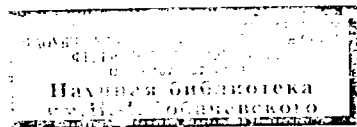
представляют наибольший интерес для исследования, поскольку, будучи частью предикативного центра практически любого евангельского предложения, составляют его структурно-семантическую основу. Евангелие Тяпинского привлекается для изучения так называемой книжной разновидности «простой мовы», так как именно его Б. А. Успенский определяет как один из основных текстов, созданных на этом языке¹.

Предметом исследования выступает «проста мова», или «руська мова», как язык деловой и конфессиональной письменности Литовской Руси XVI–XVII вв.

Актуальность работы определяется тем, что, несмотря на наличие работ, посвященных непосредственно языку ЕТ, этот памятник Литовской Руси, как подчеркивает Ю. А. Лабынцев, до сих пор мало и недостаточно глубоко исследован: «Евангелие, изданное В. Тяпинским, представляет своего рода *terra incognita*. Исследователи пытались изучать его, с одной стороны, в связи с православной полемикой, а с другой — отдавая дань литературной, переводческой и издательской деятельности В. Тяпинского. Причем оба эти направления были, как правило, разобщены...»². Целый ряд работ И. Климова конца XX — начала XXI вв. посвящен изучению этого Евангелия, но практически все они посвящены не «простомовной», а церковнославянской части ЕТ. Опыт описания «простомовной» глагольной

¹ Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М., 2002. С. 397.

² Лабынцев Ю. А. Белорусскоязычное «протестантское» Евангелие в составе православного полемического сборника супрасльского архидиакона Иевстафия // Мартинас Мажвидас и духовная культура Великого княжества Литовского XVI века. Вильнюс — Москва, 1999. С. 146.

системы был также у А. Журавского¹. Подробное описание «простомовных» глагольных форм этого памятника проводится впервые.

Целью данного исследования является исчерпывающее описание всех глагольных форм «руськомовной» части издания Тяпинского и выявление на этом материале языковой вариативности; установление сходств и различий в области глагольного словоизменения и критическая оценка высказанных в литературе гипотез о существенном языковом различии между памятниками юридической (Литовский Статут) и религиозной письменности (Евангелие В. Тяпинского). Для достижения этой цели был решен ряд **задач**:

1. Описание всех глагольных форм, представленных в ЕТ: форм настоящего, будущего и прошедшего времен, повелительного и условного наклонений, причастных и деепричастных форм, инфинитива.
2. Описание орфографической вариативности в Евангелии Тяпинского (с отражением / неотражением на письме фонетических процессов).
3. Выявление на собранном материале «переводческой» языковой вариативности в ЕТ, которая могла возникать из-за невнимательности / бессознательного выбора переводчика под влиянием параллельного церковнославянского текста, использовавшегося В. Тяпинским в качестве оригинала для перевода.
4. Описание собственно «руськомовной» языковой вариативности со всеми вариантами формирования регулярных спрягаемых глагольных форм ЕТ, в том числе возникших в результате польского языкового влияния.

¹ *Жураўскі А. І.* Гісторыя беларускай літаратурнай мовы. Т. 1. Мінск, 1967. С. 207–213.

5. Сопоставление полученных результатов (пп. 1, 2, 4) с непереводаемым «руськомовным» памятником юридической письменности, получившим недавно исчерпывающее языковое описание — Литовским Статутом 1588 г. (ЛС)¹.

При построении «руськомовных» глагольных парадигм в диссертации использовался синхронный метод описания словоизменения. При их интерпретации дополнительно применялся метод межъязыкового сопоставительного анализа при учете церковнославянской части ЕТ. Для получения более полной языковой картины материал для исследования собирался не выборочно, а целиком (включая те фрагменты Евангелия от Марка, где текст сохранился не полностью), т.е. учитывались абсолютно все глагольные формы ЕТ.

На защиту выносятся следующие положения:

1. В ЕТ абсолютно преобладает «руськомовная» морфологическая вариативность, число церковнославянизмов и описок невелико и они носят спорадический и, следовательно, неинтенциональный характер.
2. Орфографическая вариативность в ЕТ является характерной для «руськомовных» памятников с белорусскими языковыми чертами.
3. Глагольные системы ЕТ и ЛС имеют схожую структуру, при наличии некоторых языковых особенностей.
4. Хотя ЛС является памятником оригинальной юридической, а ЕТ — конфессиональной переводной письменности, написаны они на

¹ *Мякишев В.* Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008.

одном и том же варианте «руськомовного» языка.

Новизна полученных результатов заключается в том, что впервые описана вся глагольная система «простомовного» памятника конфессиональной письменности Литовской Руси XVI–XVII вв.

Теоретическая значимость диссертации заключается в выявлении и описании языковой вариативности «простомовной» глагольной системы в религиозном переводном памятнике XVI–XVII вв. с белорусскими языковыми чертами.

Практическая значимость диссертации состоит в возможности использования ее результатов при изучении истории восточнославянских литературных языков, а также в использовании материалов приложения для дальнейших исследований в области славянского исторического языкознания.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации было опубликовано 7 статей, в том числе 2 статьи в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК. Материалы диссертации обсуждались на различных международных конференциях: Тартуская международная конференция молодых филологов — 2006 (Тарту, Тартуский университет, 28–30 апреля 2006 г.); Девятая международная конференция «Русистика и современность» (Одесса, ОНУ им. И. И. Мечникова, сентябрь 2006 г.); Русский язык: исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 20–23 марта 2007 г.); I Межвузовская конференция по палеославистике (Санкт-Петербург, СПбГУ, 24–26 мая 2007 г.); Международная научная конференция «Современные проблемы лексикографии» (Гродно, Гродненский государственный

университет им. Янки Купалы, 19–21 октября 2007 г.); Международная конференция «Литовцы и славяне: взаимодействие языков и культур в истории и современности», посвященная памяти В. Н. Чекмонаса (Вильнюс, Вильнюсский университет, 27–29 ноября 2008 г.); Международная научная конференция «Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность» (к 380-летию со дня рождения) (Полоцк, Музей белорусского книгопечатания, 19–20 ноября 2009 г.).

Диссертационное исследование общим объемом 164 страницы состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии, содержащей 214 наименований (190 пунктов используемой литературы, 9 печатных источников, 15 словарей), и одного приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновываются выбор темы и ее актуальность, определяются цели, задачи и методы исследования, новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также способы ее апробации.

Первая глава является вводной, в ней описывается история изучения «простой мовы» и языка Евангелия Тяпинского, в частности.

Вторая глава состоит из семи разделов, в которых лингвистически и статистически описаны все формы глагольных времен и наклонений, зафиксированные в Евангелии Тяпинского: формы настоящего, будущего и прошедшего времен, повелительного и условного наклонения, причастных и деепричастных форм, инфинитива. В конце каждого раздела следует сравнение полученных результатов по Евангелию Тяпинского с

аналогичными формами Литовского Статута и приводятся сводные таблицы по обоим памятникам.

Третья глава исследования посвящена языковой вариативности в «руськомовной» части Евангелия Тяпинского. Глава состоит из двух частей: в первой описывается орфографическая вариативность (с отражением / неотражением на письме фонетических процессов), а во второй — морфологическая. Последняя в свою очередь тоже делится на два раздела, в которых описаны соответственно текстовые, или окказиональные, явления, возникшие в тексте из-за невнимательности переводчика, а также языковая, или системная, собственно «руськомовная» вариативность.

В четвертой главе исследования восстановлена «руськомовная» глагольная система, воссозданы парадигмы всех глагольных времен / наклонений, описаны причастные и деепричастные формы. Для максимального заполнения парадигм использовались материалы ЕТ и, в случае необходимости, ЛС.

К исследованию прилагается список всех глагольных форм, встретившихся в Евангелии Тяпинского и отсортированных по наклонениям и временам.

Ниже более подробно рассматривается содержание основной части работы.

В первой главе описывается история изучения «простой мовы» и языка Евангелия Тяпинского. «Проста мова» — письменный язык Великого княжества Литовского XVI–XVII вв., в основу которого предположительно лег язык восточнославянского населения, проживавшего на его территории. Изучение и описание этого языка началось еще в конце XIX в. такими исследователями, как П. И. Житецкий, М. В. Довнар-Запольский, Е. Ф. Карский и др. Тогда же

Я. Ф. Головацкий писал о «мове»: «материал пребогатый, тем не менее суть его не разработана и мало известна <...> То, что писали об этом предмете Колосов, Соболевский, Недешев и др., далеко недостаточно»¹. С тех пор прошло более ста лет, а ситуация существенно не изменилась: как отмечает в своей статье М. Гардзанити, до нашего времени «отсутствует какое-либо системное описание самого языка и его релевантных характеристик, прежде всего в сопоставлении с польским и с церковнославянским того периода»².

«Проста», или «руська мова», — письменный язык Литовской Руси XVI–XVII вв., на котором создавались памятники деловой актовой письменности, а позже и конфессиональной литературы. По подсчетам В. Мякишева, «со времени пробуждения научного интереса к прошлому литовско-русского государства учеными предложено по меньшей мере четыре десятка обозначений книжного языка здешних образованных людей»³. Путаница с названиями началась еще в конце XIX века: «Ученые до сих пор не решили, на каком наречии писаны эти книги и рукописи, и даже не придумали соответствующего ему названия, довольствуясь общим нарицанием: белорусский, малорусский,

¹ Головацкий Я. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшъ, т. е. въ нынѣшней Сѣдленской и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. Вильна, 1888. С. 35.

² Гардзанити М. «Учительское Евангелие» Мелетия Смотрицкого в контексте церковно-славянской традиции евангельской гомилетики и проблема перевода Евангельских чтений // Traduzione e rielaborazione nelle letterature di Polonia Ucraina e Russia XVI–XVIII secolo. Alessandria, 1999. С. 169.

³ Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008. С. 9.

литовскорусский, польскорусский, мешаный славянский и наконец кривичский язык»¹.

Актово-канцелярская «мова», вызванная потребностями государства для ведения делопроизводства на великокняжеских землях, появляется раньше литературно-книжной — в XIV веке². На этой «мове», белорусской в своей основе из-за централизации власти на «белорусскоязычных» территориях, писались государственные акты и другие документы Литовской Метрики, составлялись законы Великого Княжества — Судебник Казимира Ягеллончика 1468 г. и три редакции Литовского Статута.

На появление и распространение другой разновидности «простой мовы» — литературно-книжной — сильно повлияло то, что в середине XVI в. на территорию Великого княжества Литовского через Польшу и другие соседние государства стало проникать протестантство. «По отношению к священным книгам влияние протестантства выразилось двояким образом: с одной стороны, в появлении критического отношения к тексту священных книг, в желании иметь точный и полный перевод Библии; с другой — в желании иметь книги на родном и притом по возможности простом, народном языке, который всем был понятен. Первое вызвало проверку Библейского текста по еврейским священным книгам, которые принимались за первоисточник; второе — способствовало появлению значительного количества переводов книг Ветхого и Нового Заветов на народную

¹ Головацкий Я. Черты домашняго быта русскихъ дворянъ на Подляшьѣ, т. е. въ нынѣшней Сѣдленской и Гродненской губерніяхъ, по актамъ XVI столѣтія. Вильна, 1888. С. 35.

² Мякишев В. Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008. С. 26.

речь – польскую и русскую»¹. Потребность в переводе Священного Писания обернулась попыткой «создать письменную русскую речь, как отдельное целое, отличное от речи славянской и польской»².

Считается, что первые попытки перевода книг Ветхого и Нового Завета на «просту мову» относятся к началу XVI в.: в 1517–1519 гг. вышли в свет книги Ветхого Завета в переводе Франциска Скорины. Однако на общепонятном «руськом» языке «Скорина составлял только предисловия, сами же библейские тексты в основном сохраняли верность церковнославянским традициям, хотя в них иногда встречаются глоссы, переводящие наиболее темные церковнославянские слова»³.

Значительно богаче подобными переводами вторая половина XVI в.: Пересопницкое Евангелие (1556–1561 гг.), Житомирское Евангелие (1571 г.), являющееся переделкой Пересопницкой рукописи, Летковское Евангелие, в целом — церковнославянское, но со значительной вставкой на «простой мове», Евангелие Тяпинского (около 1580 г.), перевод Нового Завета В. Негалевского (1581 г.), источником которого послужил Новый Завет кальвиниста Мартина Чеховица (Краков, 1577). Все эти переводы Священного Писания остались в рукописях, только Евангелие Василия Тяпинского вышло из печати.

Процесс полонизации «русских» земель Речи Посполитой «затронул литературную разновидность мовы

¹ Назаревский А. А. Язык Евангелия 1581 года в переводе В. Негалевского // Университетские известия. Киев, 1911. Кн. 8, 11, 12. С. 10–11.

² Житецкий П. И. Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII и XVIII вв. Ч. I. Киев, 1889. С. 1–2.

³ Мозер М. Что такое «простая мова»? // *Studia Slavica Hung.*, 47/3–4. 2002. S. 232.

чуть ли не в первую очередь»¹. С перенесением центра западной образованности из Вильны в Киев «проста мова», приняв в свою смешанную структуру элементы малорусского наречия и новый приток польских слов, вскоре достигла «крайних пределов искусственности»². Постепенно западнорусский язык очень сильно стал приближаться к польскому: часто русская речь только по кириллическому письму отличалась от польской. Наконец, в 1696 г. в Литовский Статут вносится постановление: «Pisarz powinien po Polsku, a nie po Rusku pisać». С этого момента все грамоты и акты пишутся на польском языке, на этом языке говорит и пишет местная аристократия.

Вторая глава состоит из семи разделов, в которых лингвистически и статистически описаны все формы глагольных времен и наклонений, зафиксированные в Евангелии Тяпинского: формы настоящего, будущего и прошедшего времен, повелительного и условного наклонения, причастных и деепричастных форм, инфинитива. В конце каждого раздела следует сравнение полученных результатов по Евангелию Тяпинского с аналогичными формами Литовского Статута и приводятся сводные таблицы по обоим памятникам. В этой главе проводится синхронное описание глагольного словоизменения каждой глагольной категории (времена, наклонения и инфинитив), а далее — форм по лицам и числам, особо отмечены случаи языковой вариативности внутри однородных в грамматическом смысле форм (в таких случаях варианты окончаний даются через косую черту с указанием их частотности, как, например, в 3 л. ед. ч. настоящего времени: -ть^[324] // -[71] // -т^[4] // т^[96] // -т^[2]). Вариативность также может выражаться в наличии

¹ *Мякишев В.* Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008. С. 31.

² *Карский Е. Ф.* Что такое древнее западнорусское наречие; отд. оттиск из «Трудов IX археол. съезда в Вильне». М., 1893. С. 8.

внутри одной грамматической категории как аналитических, так и синтетических форм (например, конкуренция форм императива и описательных императивных конструкций в 1 л. мн. ч.) — такие случаи описаны отдельно. Для определения грамматического значения формы при грамматической омонимии использовался параллельный церковнославянский текст ЕТ (имеются в виду случаи формального совпадения форм повелительного наклонения с формами будущего и настоящего времен).

В третьей главе была описана языковая вариативность в Евангелии Тяпинского, которую можно распределить между двумя подразделами: а) орфографическая вариативность (с отражением / неотражением на письме фонетических процессов); б) морфологическая вариативность.

Орфографическая вариативность в ЕТ является характерной для «руськомовных» памятников с белорусскими языковыми чертами. В ЕТ встречается 6 употреблений перфектных форм с фонетической (украинско-белорусской) передачей *-л* как *-в* (*в'злѣвѣ*^[1], *призѣвѣ*^[1], *ѡз'воѣв'сѣ*^[1], *дот'кнѣв'сѣ*^[1], *нѣ повѣс'тавѣ*^[1], *ѡженив'сѣ*^[1]), но эти формы не являются нормативными, так как остальные примеры в этой же позиции не демонстрируют подобного перехода. Отсутствие в ЕТ явных фонетико-орфографических украинизмов при наличии целого ряда белорусизмов (мена *е* / *ѣ*, отвердение *р* и *в*, палатализованное произношение *-ть*) позволяет считать единичные в ЕТ написания типа *ѡз'воѣв'сѣ* не украинской, а именно белорусской языковой чертой.

К морфологической вариативности в ЕТ относятся явления двоякого рода: а) возникшие в тексте из-за невнимательности / бессознательного выбора переводчика, на которого мог влиять параллельный церковнославянский

текст, использованный В. Тяпинским в качестве оригинала для перевода; б) отражающие собственно «руськомовную» языковую вариативность со всеми вариантами формирования регулярных глагольных форм ЕТ.

В целом, в ЕТ преобладает «руськомовная» морфологическая вариативность, число церковнославянизмов и описок невелико, и они носят спорадический и, следовательно, неинтенциональный характер.

Во второй и третьей главах все описываемые глагольные формы помечены индексами — цифра обозначает количество встретившихся употреблений глагольной формы в тексте Евангелия Тяпинского, например: ведаѣте^[4], речеуть^[3]. При подсчете и объединении аналогичных форм орфографические различия учитывались только в тех случаях, когда они касались словоизменительных категорий слова (примеры, различающиеся, например, только корневой гласной и т. п., взаимно отождествлялись). При этом учитывались разночтения форм, оканчивающихся паерком / ером / ерем / выносными буквами.

В четвертой главе представлена «руськомовная» глагольная система, которая была воссоздана на основании полученных результатов, описанных во второй и третьей главах исследования. Для заполнения словоизменительных глагольных парадигм использовались материалы Евангелия Тяпинского и, в случае необходимости, Литовского Статута (имеются в виду случаи употребления глагольных форм, зафиксированных в ЛС и не встретившихся в ЕТ: формы сложного будущего II, а также единичные примеры 3 л. ед. ч. настоящего времени).

Спряжение глагола в настоящем времени

Число	Лицо	1-е спряжение	2-е спряжение	Старые нетематические основы				
Един.	1-е	идѣ ^[27]	хожѣ ^[97]	ѣстои ^[116] // ѣсьми ^[11]	—	—	вѣдио ^[12]	*маю
	2-е	идѣш ^[115]	ходиш ^[133]	ѣси ^[24]	—	—	вѣдиш ^[2]	маиш ^[2]
	3-е	идѣтъ ^[149]	ходи ^[94]	ѣсть ^[225]	—	—	вѣди ^[5]	маи ^[123] //и ^[11]
Множ.	1-е	идѣи ^[8]	ходи ^[7]	ѣстос'и ^[11]	дди ^[2]	ѣди ^[11]	вѣди ^[14]	маи ^[3]
	2-е	идѣте ^[47]	ходи ^[49]	ѣсьте ^[14]	—	—	вѣдите ^[10]	маите ^[13]
	3-е	идѣтъ ^[82]	ходат ^[49]	суть ^[34]	—	—	ѣдять ^[6]	мают ^[7]

Спряжение глагола в будущем времени

Будущее простое

Число	Лицо	1-е спряжение	2-е спряжение	Старые нетематические основы			
Един.	1-е	поидѣ ^[19]	ѣвни ^[24]	бѣдѣ ^[2]	дди ^[8]	*оповѣи ^{[2]*}	—
	2-е	поидѣш ^[18]	ѣвиниш ^[12]	бѣдѣш ^[11]	ддаси ^[11]	—	ѣиш ^[11]
	3-е	поидѣтъ ^[159]	ѣвинити ^[112]	бѣдѣтъ ^[75]	ддасъ ^[29]	ѣповѣдити ^[11]	—
Множ.	1-е	поидѣи ^[7]	ѣвини ^[10]	—	—	—	—
	2-е	поидѣте ^[38]	ѣвините ^[19]	бѣдѣте ^[10]	—	—	маите ^[11]
	3-е	поидѣтъ ^[62]	ѣвинят ^[25]	бѣдѣтъ ^[16]	дддѣтъ ^[11]	ѣповѣдять ^[2]	—

Будущее сложное I

Регулярные формы с глаголом *мети*

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	маю видѣти ^[2]	*маи ^[3] видѣти
2 л.	маиш ^[2] видѣти	маите ^[5] видѣти
3 л.	маи ^[8] видѣти // маи ^[2] видѣти	мают ^[2] видѣти

Нерегулярные формы

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	бѣдѣ ^[2] видѣти	—
2 л.	—	—
3 л.	поу ^[4] видѣти	видѣти бѣдѣ ^[1]

**Будущее сложное II
(на материале ЛС)**

	Ед. ч.	Мн. ч.
3 л. м. р.	вѣдѣть дошолъ ^[47]	вѣдѣтъ дошли ^[10]
3 л. ж. р.	вѣдѣть дошла ^[4]	
3 л. ср. р.	вѣдѣть дошло ^[4]	

Спряжение глагола в прошедшем времени

Перфект

Синтетические формы

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. м. р.	пришоломъ ^[49]	пришлисмо ^[27] //
1 л. ж. р.	пришоломъ ^[1]	пришлихмо ^[1]
2 л.	—	пришлисте ^[56]
3 л. м. р.	пришолъ ^[796]	пришли ^[587]
3 л. ж. р.	пришла ^[126]	
3 л. ср. р.	пришло ^[101]	

Аналитические формы

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л. м. р.	ѣсьми пришолъ ^[1]	—
1 л. ж. р.	—	
2 л.	еси пришолъ ^[15]	пришли есте ^[1]
3 л. м. р.	пришолъ ѣсѣтъ ^[4]	пришли сѣтъ ^[1]
3 л. ж. р.	—	
3 л. ср. р.	—	

Плюсквамперфект

	Ед. ч.	Мн. ч.
3 л. м. р.	пришолъ вѣлѣ ^[2]	*пришли вѣли
3 л. ж. р.	*пришла вѣла	
3 л. ср. р.	пришло вѣло ^[1]	

Повелительное наклонение

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	нехай пойдѹ ^[3]	пойдилю ^[3] // нехай пойдѣмъ ^[2]
2 л.	пойди ^[192]	пойдите ^[214]
3 л.	нехай пойдѣтъ ^[47]	нехай пойдѹтъ ^[1]

Условное наклонение

«Классическая» парадигма (со спрягаемой связкой)

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	вѣхѹъ пришолѣ ^[6]	вѣсмо пришли ^[3]
2 л.	вѣсь пришолѣ ^[4]	вѣстѣ пришли ^[1]
3 л.	вѣи пришолѣ ^[63]	вѣи пришли ^[65]

«Новая» парадигма (со спрягаемым причастием на -л)

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	вѣи пришоломѣ ^[1]	вѣи пришлисмо ^[5]
2 л.	—	вѣи пришлисьте ^[9]
3 л.	—	—

Псевдопарадигма (с неизменяемой связкой)*

	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	вѣы пришо ^л ъ ^[1]	—
2 л.	вѣы пришо ^л ъ ^[4]	вѣы ѣсте пришли ^[1]
3 л.	вѣы вѣы ^л ъ пришо ^л ъ ^[1]	вѣы вѣы ^л и пришли ^[1]

* Псевдопарадигма не является настоящей парадигмой: формы объединены лишь по формальному принципу неизменяемости частицы *бы*.

Причастие

Действительные причастия настоящего времени	
I спряжение	вѣрѣ ^у чи ^[170]
II спряжение	се ^д а ^л у ^{чи} ^[107]
Действительные причастия прошедшего времени	
Суффикс -ш-	ѡ ^ш ѣ ^д 'ши ^[18]
Суффикс -вш-	со ^в 'ра ^в 'ши ^[31]
Архаический суффикс -ъ	в'зѣ ^л ъ ^[4]
Перфектные причастия	
Суффикс -л-	з' ^г оло ^д 'нел'чи ^[6]
Страдательные причастия настоящего времени	
Суффикс -ом-/-ем-	на ^з ыва ^е м'чи ^[1]
Страдательные причастия прошедшего времени	
Суффикс -н-(-н)	вѣ ^в 'ра ^н 'чи ^[255]
Суффикс -т-(-т)	в'зѣ ^т ъ ^[14]

Деепричастие

Деепричастия настоящего времени	
I спряжение	вѣ ^ы да ^ю у ^[191]
II спряжение	у ^и н ^а у ^[249]
Деепричастия прошедшего времени	
Суффикс -ши	в ^ш ѣ ^д 'ши ^[196]
Суффикс -вши	в'с'та ^в 'ши ^[255]

Колебание глагольных форм практически во всех парадигмах говорит о становлении языковых норм в «русской мове» конца XVI века. Письменный язык этого времени колеблется в зависимости от разных писцов, поэтому в данном случае нельзя говорить о ярко выраженной единой норме.

В заключении подводятся итоги исследования и обобщаются основные результаты работы.

Языковые отличия в употреблении глагольных форм в ЕТ и ЛС имеют в большинстве случаев функциональный характер: в юридическом тексте ввиду особенности содержания некоторые формы лица и числа просто не употребляются (в настоящем времени в ЛС не зафиксировано ни одной формы 2 л. мн. числа, и лишь одна форма — в ед. числе; полное отсутствие форм 2 л. ед. и мн. числа простого будущего времени; практически нет примеров на формы 1 и 2 л. в прошедшем времени; форма 1 л. ед. числа в условном наклонении встречается один раз).

Пожалуй, самым значительным структурным отличием глагольной системы является наличие в ЛС (и отсутствие в ЕТ) форм будущего сложного II, то есть будущего совершенного, которое образовывалось с помощью личных форм вспомогательного глагола *буду* и причастий на *-ль*. При этом «во всех 65 зафиксированных в тексте кодекса употреблениях (а для памятников конца XVI века это весьма солидный показатель) оборот “буду + причастие на *-ль*”, используясь в составе сложных предложений, выражает значение *преждебудущего*»¹.

¹ *Мякишев В.* Язык Литовского Статута 1588 года. Kraków, 2008. С. 305.

Можно также отметить наличие в ЛС (и отсутствие в ЕТ) единичных случаев употребления в инфинитивных формах на *-сти* и *-чи* усеченного инфинитивного суффикса.

Характерной особенностью ЕТ (отсутствующей в ЛС) являются случаи употребления двух видов форм условного наклонения: «польского» типа, с присоединением личных окончаний к причастию на *-л*, а также трехчленных («плюсквамперфектных») конструкций.

В целом же глагольные системы ЕТ и ЛС, при наличии перечисленных выше языковых особенностей, имеют тождественную структуру и представляют тот же самый вариант «руського» языка. Зафиксированных различий в области спрягаемых глагольных форм явно недостаточно для того, чтобы считать языковые системы ЕТ и ЛС принадлежащими различным вариантам одного языка и, тем более, к разным языкам. Таким образом, наше исследование не выявило материала, который позволил бы поддержать высказанное в научной литературе мнение о значительном языковом различии «руськомовных» памятников деловой и профессиональной письменности.

«Проста мова» является книжным языком, который базируется на живом языке, изменяясь вместе с ним (в отличие от церковнославянского языка), и, будучи связан с живой речью, он обнаруживает тенденцию к эволюции. Последнюю отражает грамматическая вариативность, в данном случае, глагольных форм. Репрезентативными в ЕТ являются глагольные формы, возникшие под влиянием польского языка: именно они показывают характерные особенности «простой мовы». Этот язык, возникший под влиянием протестантизма, был изначально ориентирован на польские образцы и отмежевание от церковнославянского языка. Юго-Западная Русь уже в XVI веке калькирует латинско-польское двуязычие: польский

язык этого периода противопоставлен латыни, а «проста мова» — церковнославянскому языку.

Нижеследующие таблицы показывают использование в «простой мове» языковых моделей, аналогичных польским, но их конкретная реализация различна: «проста мова» не заимствует из польского морфологические средства (например, окончания), а использует собственные (восточнославянские). Подобное заимствование грамматических моделей можно назвать грамматическими кальками.

В настоящем времени в ЕТ показательными являются формы 1 л. ед. и мн. числа бывших нетематических глаголов (*быти, дати*) и глагола *мочь*.

Настоящее время		
	ЕТ	Польский язык
1 л. ед. ч.	ѣстоꙗ ^[10] // ѣстоꙗ ^[2] , не ѣстоꙗ ^[4]	jestem
1 л. мн. ч.	ѣстосꙗмы ^[1] не даꙗмы ^[2] можеꙗмы ^[2]	jesteśmy damy możemy

«Польская» парадигма представлена во всех лицах и числах перфекта, кроме формы 2 л. ед. числа. Возможно, это объясняется тем, что «подавляющее большинство употреблений перфекта 2 л. ед. приходится на выражения, являющие собой акт обращения к Богу»¹, то есть эта форма, как правило, является семантически маркированной. В перфекте в ед. числе представлено, как в польском языке, изменение по лицам и родам.

¹ Гаспаров Б. Наблюдения над употреблением перфекта в древнецерковнославянских текстах (К вопросу о природе грамматического значения) // РЯНО, № 1(5). М., 2003. С. 221.

Перфект		
	ЕТ	Польский язык
1 л. ед. ч.	форма на -л + -омъ ^[49] // -амъ ^[1]	-ł + -em/-am (nosiem)
1 л. мн. ч.	форма на -л + -смо ^[27] // -х'мо ^[1]	-ł + -(i)śmy/-(y)śmy (nosiliśmy)
2 л. мн. ч.	форма на -л + -сте ^[56]	-ł + -(i)ście/-(y)ście (nosiliście)
3 л. ед. ч.	форма на -л + ø ^[796] /а ^[126] /о ^[101]	-ł + ø/a/o (nosił)
3 л. мн. ч.	форма на -л + и ^[587]	-ł + i/y (nosili)

В формах повелительного наклонения можно говорить о грамматических кальках в 1 и 3 лицах (в 1 л. мн. числа маркированы только синтетические формы).

Повелительное наклонение		
	ЕТ	Польский язык
1 л. ед. ч.	нехай + личная форма глагола в наст. / буд. времени ^[3]	niech czytam
1 л. мн. ч.	-мо ^[3] ; идимю ^[2] , перейдимю ^[1]	czytajmy
3 л. ед. ч.	нехай + личная форма глагола в наст. / буд. времени ^[47]	niech czyta
3 л. мн. ч.	нехай втекають ^[1]	niech czytają

Условное наклонение		
	ЕТ	Польский язык
1 л. ед. ч.	БЪЫ МЕЛОМЪ ^[1]	-ĭ + -bym (czytałbym)
1 л. мн. ч.	слияние формы на -л с глаголом-связкой: БЪЫ ВИДЕЛИСМО ^[1] , БЪЫ ВЪВОШ'ЛИС'МО ^[1] , БЪЫ ВЪПОЛОЛИСМО ^[1] , БЪЫ НЕ З'ГОР'ШНИС'МО ^[1] , БЪЫ СИДЕЛИСМО ^[1] // слияние связки с частицей бы: БЪЫС'МО БЪЫЛИ ^[1] , [БЪЫС'МЪЫ] БЪЫЛИ ^[1] , НЕ БЪЫЛИ БЪЫС'МЪЫ ^[1]	-ĭ + -(i)byśmy/-(y)byśmy (czytalibyśmy)
2 л. ед. ч.	БЪЫСЬ НЕ ѠВЪ'АВІ'І'СА ^[1] , БЪЫСЬ НЕ ПОТ'КНУЛ ^[1] , БЪЫСЬ УНИИЛЪ ^[1] , БЪЫСЬ ѠУНИИЛЪ ^[1]	-ĭ + -byś (czytałbyś)
2 л. мн. ч.	причастие на -л сливается с польским окончанием: БЪЫ БЪЫЛИСТЕ ^[3] , БЪЫ ВЕДАЛИСЬТЕ ^[2] , БЪЫ НЕ В'ВОШ'ЛИСЬТЕ ^[1] , БЪЫ НЕ В'З'ГОР'ЖАЛИСЬТЕ ^[1] , БЪЫ НЕ БЪЫТОР'ГНУЛИСТЕ ^[1] ,	-ĭ + -(i)byście/-(y)byście (czytalibyście)

	бы ховалисьте ^[1] // форма с личным окончанием, присоединенным к частице бы: не ѡсѡждали быстѣ ^[1]	
--	---	--

Приложение. К исследованию прилагается список всех глагольных форм, встретившихся в Евангелии Тяпинского и отсортированных по наклонениям и временам. Список состоит из трех колонок: в первой указывается наклонение / время, лицо, число, залог (для причастий и деепричастий) и в некоторых случаях (формы на -л, формы прошедшего времени без -л и перфектные формы — все только в ед. числе) род глагольной формы; во второй колонке отражена информация о местонахождении формы в Евангелии — глава и стих (примечательно, что стихи в Евангелии пронумерованы самим Тяпинским: «обе колонки в ЕТ имеют единую нумерацию стихов (впервые в кириллическом издании), перикоп, глав»¹); в третьей колонке приводится сама глагольная форма.

Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях автора общим объемом 2,7 п. л.

1. Статьи, опубликованные в изданиях, включенных в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные

¹ *Климов И. П.* Московский оригинал церковнославянского текста в старобелорусском «Евангелии Тяпинского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002–2003. М., 2003. С. 373.

научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук»:

- 1) Смирнова Е. А. «Проста мова» // Русская речь. М., 2009. № 3. С. 75–79. 0,3 п. л.
- 2) Смирнова Е. А. Формы прошедшего времени в «простой мове» // Вопросы филологии. М., 2010. № 3. С. 126–131. 0,7 п. л.

2. Другие публикации по теме диссертации в периодических научных изданиях и сборниках:

- 1) Смирнова Е. А. Особенности временных форм глагола в Евангелии Тяпинского в сравнении с церковнославянским языком Острожской Библии // Мова. Одесса, 2006. № 11. С. 184–187. 0,3 п. л.
- 2) Смирнова Е. А. Грамматические особенности Евангелия Тяпинского в сравнении с церковнославянским языком Острожской Библии // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. М., 2007. С. 89. 0,3 п. л.
- 3) Смирнова Е. А. Просто ли составить словарь «простой мовы»? // Слово и словарь = Vocabulem et vocabularium: сборник научных трудов по лексикографии / Под ред. Л. В. Рычковой, В. Л. Воронович. Гродно, 2007. С. 110–112. 0,4 п. л.
- 4) Смирнова Е. А. «Проста мова» как лингвистический феномен Великого княжества Литовского (на лексическом материале Евангелия Тяпинского в сравнении с Острожской Библией) // Slavistica Vilnensis 2005–2009, Kalbotyra 54 (2). 2009. С. 199–206. 0,4 п. л.
- 5) Смирнова Е. А. «Проста мова» как элемент культуры Юго-Западной Руси XVI–XVII вв. // Симеон Полоцкий: мировоззрение, общественно-политическая и литературная деятельность (к 380-летию со дня рождения). Полоцк, 2010. С. 197–207. 0,3 п. л.

Заказ № 46-р Подписано в печать 07.11.2011 Тираж 100 экз. Усл. п.л. 0,75

ООО "Цифровичок", тел. (495) 649-83-30
www.cfr.ru ; e-mail: info@cfr.ru

10 ~